

Андрей Дмитриев

Свет по ту сторону тьмы

* * *

Пушкин —
уж как
проронит в душу
семечко груши,
уж как —
морем надушен —
выйдет на сушу,
уж как
станет бронзовым мужем,
омытым гусарским пуншем,
уж как
станет солнышком будущему,
что развесило уши,
в которых извечно беруши.

Пушкин —
уж как
взобьёт подушку
и ляжет ногами наружу,
пока, севши в лужу,
читатель размок и простужен,
уж как встряхнёт кружево
африканских волос и в ужасе
крикнет: ну и кому же!

А мы сядем в углу с кружкой
чёрного чая
и затайнем потуже
поясок этого вот отчаяния.

Дмитриев Андрей Николаевич — родился в 1976 году в г.Бор Нижегородской области. Окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института. Обозреватель областной газеты «Земля нижегородская». Автор четырех сборников стихов, в том числе «Африкаснег» (Владивосток, 2016) и «Глубина тиснения» (Нижний Новгород, 2018). Живет в Нижнем Новгороде.

* * *

Конь — в пальто,
утка — в куртке...
Цирк шапито —
превратился в маршрутку
на хлюпком кольце
цвета грязного снега,
где ловит пинцет
бинт стерильного севера
в развернутой ране
морозных закатов,
хоть город упрямо
вскочит с кровати,
и вновь лопнут швы...
Тротуаром некошеным
уйти не спеши
из озябшего прошлого
без хлебного крошева...

А на волне радио «Ретро»
Джо Дассен убаюкивал страждущих
своим «па-ба па-ба-ба-ба»,
и это по-прежнему было так трогательно,
что казалось, если зима уже никогда не кончится —
все мы наденем оранжевые жилеты
и большими лопатами
качнём мироздания сугроб
в такт волнительной песне
на краю непутёвой дороги,
становясь с каждым взмахом бессмертными...

Новая метеосводка
соткана
из житейского опыта:
не расставайтесь с кофтами...

* * *

Шёлковый Путь —
шёлковым будь,
чтобы погонщика грудь
вздымалась
только при слове «оазис»...
Сухие пески —
скрипят меж страниц.
Казалось бы, никаких перспектив,
а — гляди ж таки — львиц
рычание
царственное
укачивает
в своём сытом пафосе
и не требует крови...

Ночь — оседает,
и хочется к изголовью
положить россыпь яблок из сада.

Вот так — умозрительным
саксаулом
молчишь о ком-нибудь сиром
и снулом,
будто став стулом
возле распахнутых
окон,
где пахнет
грозой, спешащей с востока.

Шёлковый Путь —
лишь нить, и в этом-то суть.
В ритме сердца
мотать на палец —
как тутовый шелкопряд на тельце,
не ведая, сколько осталось...

* * *

Монгол
окончил монолог
про магию
огня и олова.
Из рукава взметнулся голубь,
хоть воздух гол
и перемолот.
Сиди, зелёный богомол,
на лавке в сквере
возле школы,
пусть мчатся в темноту нукеры
по кромке скола —
кардиограммой
молний, пусть
история свою ест правду,
с которой громко наизусть
и страшно вкратце...

Шептали, шептали губы — не то,
что в параграфах сухим языком
разложено по полкам, ящичкам,
папкам, а искрящееся
на стыках времён и слов —
неподдающуюся логике боль,
идущую впереди лезвия тревогу,
прорастающее под гнётом
величия сострадание...
Это и было моление —
пытливое зёрнышко человека.

Кругом
разлито молоко...
А кто?
А в ком?
А далеко ль?
Сидит зелёный богомол,
а в лапках — воздух гол...

* * *

Корни деревьев
ищут золото жизни
так глубоко,
как хватает длины
в чёрном вареве
сосредоточенной почвы.
Нам не видно
этой кропотливой работы,
этого искреннего
устремления.
Мы привыкли
лишь констатировать
высоту и пышность цветения,
а что там —
за кадром грунта —
остаётся тёмным
чуланом земли,
где сложены ржавые ведра
и шанцевый инструмент,
где, кажется, нет ничего
для эстетики
пейзажиста...

Но если же крону,
держашую в пальцах листву
простым шелестящим чудом,
достойным таки восторга,
представить на миг
продолжением корня,
гейзером внутренней силы,
вырвавшимся из недр
воплощением веры
в свет по ту сторону тьмы —
начинаешь чувствовать,
что золото жизни
всё-таки найдено
и явлено миру...